

идёт в заповедник. Ну а мой путь в Кедровую падь. Узнаю, что они потом тоже туда приедут. И вот в Кедровой пади, когда молодёжь уже улеглась и мы вдвоём тихо беседуем на кухне — за науку. Александра Петровича в моих прямокрылых интересовало всё — какими методами отлавливаю, как веду наблюдения, как обрабатываю материал, куда ещё собираюсь попасть.

Ну а бесед за жизнь как-то не сложилось.

Последняя встреча была в Москве, когда было предложение Александра Петровича перейти к нему на кафедру, но что-то не сложилось в ректорате. Больше мы с ним не виделись, хотя сведения о нём постоянно доходили.

Так и остался он в моей памяти увлечённым человеком с доброй и слегка извиняющейся улыбкой.

Великий учёный и педагог

Э. А. Дидманидзе

Что я могу сказать об Александре Петровиче Кузякине? Всё только доброе! Это человек с большой буквы, великий учёный и педагог, не только на территории бывшего СССР, но и за границей. Он был человеколюб и считал, что должен всем помочь бескорыстно. Каждое его слово — это программа как работать дальше. Я не знаю, как лучше передать моё глубокое уважение к этому Человеку. К сожалению, наши контакты были только эпизодическими, о чём очень сожалею.

А. П. Кузякин и дети

В. А. Рыльников

Был эпизод моего случайного знакомства с А. П. Кузякиным в марте 1968 года. Я оказался среди участников районной биологической олимпиады. Перед детьми выступил Александр Петрович и рассказал о том какие птицы должны прилететь к нам их южных регионов и в каком порядке. Мне было понятно, что участие столь знаменитого ученого в мероприятии районного уровня — большая честь.

Рассказ о совместной работе с большим учёным и человеком

И. Й. Атанасова

В отличие от других людей, которые делятся своими воспоминаниями об Александре Петровиче Кузякине, я общалась и работала с ним небольшой промежуток времени. Но и сегодня, после того, как во время учёбы в аспирантуре, я имела возможность общаться и работать с Александром Петровичем и его коллегами, это время всё также для меня дорого и интересно.

В ноябре 1975 года самолетом прилетели в Москву болгары, победившие в конкурсе за право учиться в аспирантуре в различных ин-

ститутах и университетах Москвы. Поселились мы в общежитии МГУ им. М. В. Ломоносова. Каждому из нас сообщили номер телефона руководителя отдела аспирантуры в его институте и сказали: «А теперь справляйтесь самостоятельно».

Я позвонила в отдел аспирантуры МОПИ им. Н. К. Крупской и мне сказали придти к 16. 00 на следующий день оформить документы и встретиться с моим научным руководителем.

Только что закончилась защита кандидатской диссертации одного из аспирантов Александра Петровича. Впервые увидела и разговаривала с ним в коридоре института. Очень сильно волновалась, потому что, хотя прочитала тысячи страниц научной и художественной литературы на русском языке, сама практически не говорила на нём. Александр Петрович меня поддержал, сказав, что пройдёт немного времени и я буду разговаривать как москвичка. К сожалению, я не достигла этого уровня, но тогда его поддержка много значила для меня. Начался разговор и я уже не думала, какой падеж мне надо употребить. Ожидала, что он пригласит меня придти к нему на кафедру зоологии. К моему большому удивлению, Александр Петрович пригласил меня к себе домой, чтобы отпраздновать защиту диссертации его аспиранта.

Было очень холодно, шёл снег. Я была тепло одета и чувствовала себя хорошо. Вот только шапки у меня не было и Александр Петрович сказал мне, что в Москве зимой никто не ходит без шапки на голове. В этот морозный вечер я оказалась в культовой для многих зоологов квартире на улице Ленская. Там познакомилась с женой Александра Петровича Валентиной Ивановной, Татьяной и маленькой Светкой. Они приняли меня очень сердечно. Провожая, мне подарили шапку, и так началась наша дружба.

В этой квартире я встретилась с известными зоологами, имена которых я знала по их научным публикациям и не ожидала, что могу разговаривать с ними на равных.

Я с огромным удовольствием разговаривала с Александром Петровичем о моей научной работе, о том, что я уже сделала, о том, что предстоит сделать до моей следующей встречи с ним в Москве. Он был всегда терпелив и толерантен к моим идеям и предложениям, хотя и не всегда был с ними согласен. Конечно, я старалась больше слушать, узнать, понять из того, что этот высокоэрудированный человек мне говорил.

Когда уезжала в Болгарию, после первого приезда в Москву, Александр Петрович сказал мне, чтобы я чётко придерживалась сроков исполнения моего аспирантского плана, потому что вначале кажется, что времени много, а в конце его уже не хватает. Мне тогда показалось это странным, но когда прошли четыре года аспирантуры, я поняла как он был прав.

В июне, 1976 года Александр Петрович был приглашен в Шуменский университет «Епископ Константин Преславски» прочитать краткий курс лекций по зоологии, и после этого я работала с ним на местности и собирала материал для моей диссертации. Основная идея диссертации заключалась в изучении распределения мелких млекопитающих отрядов Насекомоядные и Грызуны по высотным поясам Болгарии. Начали мы от

уровня моря в окрестностях города Балчик, на равнинной местности Добруджа. Расставляли давилки по берегу Чёрного моря. Чтобы наш улов был богаче, я отправила моих студентов чуть подальше от берега моря, вглубь равнины.

И вот случай из нашей жизни здесь. Ничего не подозревая, студенты поставили палатки близко к месту, где банда охотников за сокровищами планировала копать. Поздно ночью пришли «охотники» и чуть не затеяли драку, подумав, что здесь разместились их конкуренты, и никак не могли поверить, что они ловят мышей. А утром Александр Петрович заразительно смеялся над этим происшествием.

После равнины мы работали в широколистных буковых, дубовых и смешанных широколиственных лесах горы Стара Планина. Затем переместились в леса из чёрной сосны в горах Родопы. Ночевали в маленьком домике вблизи туристической хижины. Хотя в сосновых лесах, многообразие видов мелких млекопитающих бедное, в то лето численность была высокой. У нас был богатый улов, и нужно было время, чтобы всё обработать. В хижине был хороший ресторан и много туристов. Каждый вечер слышалась музыка. Нас приглашали повеселиться, отдохнуть, но Александр Петрович говорил: «Нас наука заедает». И мы до поздней ночи занимались своими мышами и дневниками. Валентина Ивановна из солидарности была с нами.

Потом мы работали на горе Рила. Работали в еловом лесу около известного курорта «Боровец», а затем продолжили до субальпийского пояса в подножии самой высокой вершины Балкан Мусалы. Ставили давилки в трёх местах обитания: в кустах можжевельника, на берегу ледникового озера и между валунами, где виднелись трава и снег. Это место очень понравилось Александру Петровичу. Мы там поймали девять видов мелких млекопитающих. Разместились в туристической хижине. Люди думали, что мы ищем какие-то неизвестные лечебные травы среди валунов, кустов и по берегам озера, сильно удивлялись нашему объекту.

Эта экспедиция была для меня серьёзной школой в смысле работы на местности. Что касается методики, то я была подготовлена теоретически, а Александр Петрович показал мне как необходимо практически работать на местности. Это и подготовка давилки и их установка, установка приманок, выбор места, немаловажным являлось и время сбора улова. Особенно внимательно он относился к обработке собранного материала и ведению записей. Когда устанавливали давилки, он часто говорил: «Давайте поставим давилку здесь. Если бы я был землеройка, я бы непременно здесь жил».

Когда нам попадался интересный экземпляр, Александр Петрович начинал его препарировать. Я присутствовала при этом, смотрела, училась и перенимала бесценный опыт практической работы. На моих глазах животное превращалось в экспонат для научной коллекции.

Как и всякий аспирант, я после долгих обсуждений и работы с Александром Петровичем знала что надо делать, как должна выглядеть моя диссертация. Я собрала достаточный объём материала для анализа, сроки меня поджимали и пришло время начать писать диссертацию. К со-

жалению, тогда не было современных средств коммуникации, я работала далеко от моего научного руководителя и нужно было написать первый вариант диссертации по схеме, которую мы приняли с Александром Петровичем.

Для меня всегда было удовольствием общаться с коллегами, обсуждать идеи, научные результаты и поэтому я ожидала, что обсуждение первичного варианта пройдет конструктивно. Была готова к замечаниям, коррекциям, спору, что вполне естественно между маститым профессором и незащитившимся аспирантом. К этому времени зрение Александра Петровича существенно ухудшилось и я ему читала мою диссертацию, записывала замечания, вносила коррективы. У меня был очень скромный опыт в написании научных текстов, в точном научном выражении мыслей, в корректном изложении и употреблении научных терминов. До сегодняшнего дня вспоминаю с приятным ощущением, что после долгого шлифования моей работы, Александр Петрович одобрил мой труд. Из-за проблем с русским языком, я хотела обратиться за помощью к специалисту по русской филологии. Александр Петрович неодобрительно отнёсся к моей затее и заметил, что филологи просто „искалечат научный текст». И предложил мне помощь своего аспиранта в редактировании текста диссертации. Возможно и сам он редактировал текст. Когда мы с ним встретились в 1983 году в Москве, Александр Петрович сказал: «Последнее зрение я потерял с твоей диссертацией, Иванка, и с работой В. Е. Соколова «Систематика млекопитающих».

В 1989 году, в Брно, я встретила с Иво Грулихом, одним из первых аспирантов Александра Петровича. Тогда он был ведущим специалистом по хомьякам не только в Чехословакии, но и в Европе. Иво Грулих вспоминал его с благодарностью и теплотой, с огромной признательностью.

Оглядываясь назад, всё больше ценю научный вклад Александра Петровича в зоологию. В первую очередь, у меня вызывает восхищение его глубокие знания в нескольких группах животного мира, известных своей сложной систематикой и большим многообразием видов. Из научной литературы по зоологии известно, что один человек, как правило, занимается одной из этих групп. Всем, кто был знаком с научной деятельностью и научными трудами Александра Петровича, было известно, что он был одним из самых больших и глубоких исследователей булавоусых чешуекрылых, птиц, рукокрылых и грызунов. Это представители трёх больших классов.

Карта СССР, висевшая на стене в доме Александра Петровича, с начерченными на ней маршрутами экспедиций, всегда вызывала у меня восхищение.

Теперь я понимаю, что когда человек обладает универсальными и глубокими знаниями мира животных и, исследовав такие огромные территории, в своих анализах не мог не прийти к зоогеографическим идеям, которые были любимыми и важными для Александра Петровича.

После таксономического направления в творчестве Александра Петровича, зоогеографическое — второе по значимости.

С уверенностью можно сказать, что самое большое практическое значение в его работе имеет третье направление — медицинская и сельско-

хозяйственная зоология.

С моей точки зрения, самое уникальное научное направление в работе Александра Петровича — это бесценная научная коллекция бабочек, птиц, летучих мышей, мелких млекопитающих, которую Александр Петрович создал своими руками. Бесспорно, это примечательное дело, нашедшее отражение в значимых научных публикациях, через которые Александр Петрович известен и присутствует в научном мире сегодня.

При таком огромном объёме научной и практической работы, которую вёл Александр Петрович, он не жалел своего времени отдавать свои знания студентам и аспирантам. Может быть, никто не сможет сказать, сколько студентов и аспирантов выучил Александр Петрович. Важно одно — он живёт в их воспоминаниях.

Сейчас наука сильно дифференцирована, каждый работает в своей узкой области, и поэтому, такая фигура как Александр Петрович с универсальными и глубокими знаниями мира животных и природных территорий, вызывает уважение и респект.

Воспоминания об Александре Петровиче Кузякине

Б. Н. Фомин

Впервые, Александра Петровича Кузякина, я увидел осенью 1964 года, когда стал посещать кружок ВООП. Это случилось в здании МОПИ, где, с благоволения А. П. Кузякина, наш наставник, Пётр Петрович Смолин, проводил семинары и занятия с нами — своими юннатами. Мне тогда было 13 лет и я, с товарищами, нещадно изучал коллекции птиц и мелких млекопитающих, любовно собранных А. П. Кузякиным и отданных нам, фактически, на растерзание. Уже тогда, Александр Петрович, казался мне таким же мудрым и бесконечно добрым как ППС. Лишь несколько лет спустя, я узнал, что А. П. Кузякин, не просто, штатный профессор, а он «одной с нами крови» — из тех легендарных юннатов, корни которых уходят в КЮБЗ, а, затем, и в ВООП.

Летом 1969 года, после своего провала поступления на Биофак МГУ — на экзамене по математике я получил двойку, и, сговорившись с моими товарищами, юннатами из разных кружков, такими же неудачниками, как я, решил поступать в МОПИ, к А. П. Кузякину. В тот год, нас, ребят, пришедших к А. П. Кузякину, было настолько много, что в учебных группах, мальчиков, оказалось больше, чем девочек — неслыханное дело для педагогического вуза.

После моего поступления в МОПИ, с первых же дней обучения в институте, произошло мое личное знакомство с А. П. Кузякиным. Этому способствовало то обстоятельство, что я, и мой друг, с ВООПовского детства, Лёва Вартапетов, отработали целый сезон в экспедиции Юрия Соломоновича Равкина — одного из любимых учеников А. П. Кузякина.

Естественно, что с первых дней, ещё толком не начав учиться, мы с Лёвой, сразу же, стали членами научного студенческого общества, организованного на базе МОПИ.

Во время обучения в институте, Александр Петрович читал нам лек-